

ВНУТРИСТУДИЙНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

Родники Сибири

*Читаем
кузбасских
поэтов*

**И. Фролова • С. Берестов • А. Ибрагимов
А. Катков • А. Козлов • Н. Колмогоров
Н. Пискаев • А. Раевский • Л. Торгаев**

*Читаем
кузбасских
поэтов*

Сборник поэтического марафона

Часть 3

И. Фролова (Барышникова),
С. Берестов, А. Ибрагимов, А. Катков,
А. Козлов, Н. Колмогоров, Н. Пискаев,
А. Раевский, Л. Торгаев

Кемерово
Кузбассвуиздат
2020

ББК 84Р7-5
Ч69

Поэтический марафон «Читаем кузбасских поэтов»
(Из опыта работы школьного музея
и литературной студии «Родники Сибири»)

Редактор **Г. И. Карпова**, канд. филол. наук, доцент,
консультант **Н. М. Инякина** (Небогатова),
соавтатели **О. А. Семененко**, учитель русского языка
и литературы, руководитель музея МБОУ «СОШ № 16»
имени Р. Г. Цецульникова, г. Кемерово,

Н. А. Гордок, руководитель литературной студии
«Родники Сибири» при Государственной научной
библиотеке Кузбасса им. В. Д. Фёдорова.

Читаем кузбасских поэтов: Сборник поэти-
ческого марафона: Приложение к внутри-
студийному литературному журналу «Родни-
ки Сибири»: Ч. 3 / конс. Н. М. Инякина, сост.
О. А. Семененко, Н. А. Гордок; ред. Г. И. Карпо-
ва. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2020. – 111 с.

ISBN 978-5-202-01480-2

ББК 84Р7-5

© Гордок Н. А., 2020
© Оформление. ООО «АИ «Куз-
бассвузиздат», 2020

ISBN 978-5-202-01480-2

Приглашаем на поэтический марафон

Уважаемые читатели!

Перед вами третья часть сборника поэти-
ческого марафона «Читаем кузбасских поэтов»,
который был разработан как приложение к вну-
тристудийному журналу по инициативе участ-
ников литстудии на основе шестилетнего опыта
проведения одноимённых ежемесячных литера-
турных сред.

Изучение на занятиях литстудии жизни
и творчества поэтов-классиков и известных куз-
басских поэтов плавно перетекло в поэтический
марафон с участием других категорий любите-
лей поэтического слова и учащих общеобразо-
вательных школ.

Донести полученную информацию до ши-
рокого круга читателей, а именно до учащих, через курс внеурочной деятельности, познакомить представителей подрастающего поколения с накопленным литературным наследием наших земляков — это основная цель данного сборника. Другая цель — дать в руки участникам литстудии материалы для выхода в учебные заведения и ветеранские организации и проведения поэтических марафонов.

Третья часть сборника выходит накануне 100-летнего юбилея Учителя кузбасских поэтов Михаила Александровича Небогатова. С его «Факультета молодого литератора» на страницах областной молодёжной газеты «Комсомолец Кузбасса» начинали свой путь в настоящую поэзию многие известные литераторы Кузбасса. И вот уже шесть лет авторы литстудии «Родники Сибири» обращаются к ФМЛ, штудируют статьи-подсказки, учатся по-небогатовски работать со словом. В сентябре 2018 года литстудия стала инициатором и главным организатором заочного трёхгодичного литературного конкурса «Простою задушевною строкою», посвящённого предстоящему юбилею известного земляка. Тогда же и было задумано его дочерью биографом и библиографом Н. М. Инякиной глубокое литературное исследование «Уроки Михаила Небогатова: вчера, сегодня, завтра». Её первая книга увидела свет чуть раньше в авторском приложении нашего журнала «100 страниц». В ней лишь частичка большого и кропотливого литературного труда, где автор-составитель представляет участников ФМЛ. Это в них М. А. Небогатов заметил искорку дара Божиего и дал поддержку поэтическим крыльям, благословив на творческий профессиональный полёт.

В первых двух частях мы открыли для вас творчество Виталия Крёкова, Семёна Печени-

ка, Валерия Ковшова, Ивана Полунина, Анатолия Саулова, Любови Никоновой, Геннадия Юрова, Александра Береснева, Валерия Зубарева, Владимира Мамаева, Владимира Поташова. С другими предлагаем познакомиться в очередной части сборника. Некоторые из них уже ушли из жизни, но их творчество занимает достойное место на литературной карте области. Другие продолжают творить большую литературу Кузбасса сегодня.

В сборник включена информация с электронных полей Кузбасского центра искусств, Государственной научной библиотеки Кузбасса имени В. Д. Фёдорова и других электронных ресурсов.

ОТЧАЯ ЗЕМЛЯ

*И прадеды наши сильнее всего
Россию — Расею — любили.
В боях, не щадя живота своего,
Зело они ворога били.
Всё так же в сражениях
на смерть стоим
За отчую землю мы с вами.
Всё с той же любовью о ней говорим,
Лишь, может, другими словами.*

Михаил Небогатов

Уроки Михаила Небогатова

Несколько лет назад вышло в свет издание Нины Михайловны Инякиной, составленное из обзоров стихов начинающих поэтов. Эта книга, вошедшая в фонд библиотек, помогает авторам, не имеющим возможности посещать литературные студии, в их становлении, ведь она так и называется: «Михаил Небогатов. От ученичества к творчеству. ФМЛ». Юные (и не только) дарования извлекут для себя немало уроков, прежде всего уроков профессионализма. Не менее важны и уроки нравственности. Их так много, остановлюсь только на некоторых.

Урок отзывчивости

В 10-м классе мы готовились к последнему звонку и выпускному вечеру, придумывали и сочиняли посвящения школе, педагогам, одноклассникам. Девочки, заметив моё умение рифмовать, предложили «куда-нибудь» отправить стихи. Я считала всё написанное слабым и неумелым. Тогда они поступили по-своему: попросили почитать тетрадку со стихами и отправили в газету «Кузбасс». Неизвестно, как долго там провалялось письмо, но, вероятно, его переправили в «Комсомолец Кузбасса». Оно не было

адресовано ни Михаилу Небогатову, ни даже «Факультету молодого литератора» (просто «на деревню дедушке»), но Михаил Александрович не обошёл его вниманием. В мартовской статье «Талант — это труд» (1972 г.) он отметил, что «стихи слабоваты по форме», но нашёл положительные моменты и дал советы. А ведь мог бы вообще не реагировать на летнее письмо, не ему адресованное. С тех пор я стала больше внимания обращать на техническую сторону стихосложения, кропотливее работать над словом, а главное, усвоила на всю жизнь, что обязательно надо читать и откликаться на всё, что к тебе тем или иным путём попадет в руки. Никогда не говорила ученикам и студентам: «Мне некогда читать твою графоманию», читала всё предложенное, даже если эта была общая тетрадь в стиле «фэнтези» или другие виды сочинений и литературных жанров, и была рада, если попало хотя бы одно интересное высказывание или стихотворная строка.

Урок ответственности

После первой статьи мне захотелось уже самой написать Михаилу Александровичу (ведь я даже не знала, какие именно стихи отправили мои одноклассницы), послать на его литературный суд новые свои стихотворения. Я уже была студенткой первого курса, и в том же 1972 году

была опубликована статья «О чём-то шепчет о своём трава...». Газету эту бережно храню 48 лет. Надо ли говорить, с каким чувством я читала эту статью, названную строчкой из моего стихотворения, опубликованного целиком. Благодарность Михаилу Александровичу за тёплые слова, поддержку я пронесла через всю жизнь. А высказанная им уверенность, что от меня можно «ожидать творческих удач», накладывала ответственность на всё написанное впоследствии. Я просто не имела права подвести человека, поверившего в мои некрепкие литературные силы. Так ко всему (и не только в поэзии) я стала относиться с большей степенью ответственности и скупулёзности.

Урок самокритичности

Меня просто поразило, как человек, который мог и похвалить, и тактично сделать замечание, был так безжалостен к себе. В статье «О сонетах и не только о них» (5 мая 1988 года) он не боится показаться неавторитетным: «бросается на амбразуру» ради того, чтобы авторы присланных сонетов почувствовали специфику жанра. В качестве примера приводит свою переписку с А. Т. Твардовским 1958 года, в которой мэтр советской поэзии, отмечая «безупречность словесной и ритмической структуры стихов», считает, что «объём содержания этих

стихов очень уж скромнен», что «выходить с ними на трибуну большого всесоюзного журнала не стоит, для такого выхода надо уж собрать запас повесомей». Согласитесь, не каждый бы отважился публично в статье, где анализируются недоработки начинающих авторов, опубликовать такой отзыв даже самого Твардовского. Но чтобы начинающие поняли, он не щадит себя и не боится признать, что и в его стихах есть что-то неустраивающее столичных редакторов. Редкие качества — самокритичность и умение так просто сказать об этом в интересах большого профессионального дела!

Урок щедрости

Когда только Михаил Небогатов успевал читать все письма, отвечать на них, вести рубрику «Факультет молодого литератора», заниматься издательской и редакторской деятельностью?! А ведь ещё нужно было находиться в соответствующем вдохновенном состоянии, чтобы писать свои произведения! Он проявлял необыкновенную щедрость по отношению к знакомым и незнакомым людям! Он дарил людям своё время, свой опыт, свой талант, своё терпение, свои добрые и разумные советы, дарил похвалы и надежды! А ещё он подарил нам свою дочь! Нина Михайловна такая же, как и Михаил Александрович, неутомимая, так же занима-

ется подвижническим трудом, систематизируя литературное наследие отца. Какая титаническая работа ею проделана! Сколько надо было сидеть в архивах, готовить материалы к публикации, выпускать небольшими (пока) тиражами сборники стихов в помощь студентам и школьникам! А ведь это и время, и финансы! Она так же щедра, как и отец: обязательно при встрече что-нибудь подарит, будь то книга, диск, сборник или открытки с многочисленными пожеланиями, фотографиями и собственными стихами. А главное, она дарит частичку своей души: ведь она достойная дочь своего знаменитого отца!

И. А. Фролова

* * *

*А я учусь писать
стихи у Небогатова
О наших земляках,
их славе трудовой,
По «Факультету
молодого литератора»
Шлифую под алмаз
сырой булыжник свой...*

Валентина Устюхина

Ирина Фролова (Барышниковна)

Родилась 14 июня 1954 года в Кемерове. Окончила Кемеровский государственный университет. Преподавала в Кемеровском областном колледже культуры и искусств.

Публиковалась в газетах: «Путь в науку», «Молодой учитель», «Арабески», «Комсомолец Кузбасса», «Культура Кузбасса», «Писатель Кузбасса», «Кузбасс», «Контакт» (Германия); альманахах «Библиотечная жизнь Кузбасса», «День поэзии»; журналах «Огни Кузбасса», «Начало века» (Томск), «Врата Сибири»

(Тюмень), «Алтай», «Луч» (Удмуртия), «Литературный Омск», «Радуга» (Ганновер, Германия); коллективных сборниках; антологиях «Русская сибирская поэзия. XX век», «Паровоз — пятьсот колес».

Автор поэтических сборников «Прошлый годний снег», «Линия сердца» (2004 г.); «Приговоренная к любви», «Крохотки» (2007 г.).

Почётный работник среднего профессионального образования. Заслуженный учитель.

Член Союза писателей России с 2006 года. Лауреат муниципальной литературной премии имени И. М. Киселёва.

Награждена медалью «За достойное воспитание детей». Имя И. А. Фроловой внесено в большую Международную энциклопедию «Лучшие люди России» (2010 г.).

* * *

Я замолила давние грехи
И сбросила тяжёлые вериги:
Когда мне плохо — я пишу стихи,
Когда мне хорошо — читаю книги.

* * *

Не люблю я ни зауми,
Ни мирской чепухи:
Я хочу, чтобы стаями
Разлетались стихи.

А чужие, мои ли —
Дело вовсе не в том:
Важно, чтобы поили
И питали теплом.

Не парадность блестящая
Вдохновляет меня —
Важно чувство щемящее:
Сплав тоски и огня.

Не красивая выпренность,
Плод набитой руки, —
Мне важна только искренность
Озарённой строки.

Утешая и мучая,
Слетаются стаи,
Потому что созвучия
В душе прорастают.

ПРОГУЛКА

Вслед за мягким ветерком
Рвётся дождик шальный,
Мы идём гулять пешком
С внучкой годовалой.

Прошагали с полверсты
(И никак не меньше!),
Достаём свои зонты —
Каждая из женщин.

Мокнет, ёжится листва:
Дождь пройдёт не скоро,
И прислушалась Нева
К нашим «разговорам».

В такт дождю —
весёлый плеск:
Зонт реке не нужен,
И сапожек яркий блеск
Высветился в луже.

На руках бы понести
Груз мой драгоценный,
Но она сама брести
Хочет непременно!

Внучка радости полна,
Я ей не мешаю:
Ведь два месяца она
Ходит, как большая!

* * *

Вкусно пахнет картошкой с грибами,
С чесноком и маслом подсолнечным,
И подвешен гамак меж столбами
На участке весёлом и солнечном.

Тянет гарью от «керосинки»,
Над розеткой вьётся пчела,
И бельё полощется в синьке,
И визгливо скрежещет пила.

Дед, сощурясь, газету читает,
Внучка в детской коляске одна...
И никто на той даче не знает,
Что полдня уже длится война.

А она уже распростёрла
Чёрно-вдовый платок над страной,
Крики, рвущиеся из горла,
Задержав на даче одной...

* * *

За чаем сидим у соседки:
Она на пирог зазвала.
Три вышитые гладью салфетки
Закрыли пространство стола.

Два крашенных шкафчика, печка
И два табурета впритык.
В бочонках овсянка и гречка
На полке стоят у плиты.

Как марля, редки занавески
(Но с улицы — щит для жилья).
Протянуты толстые лески
По верху для сушки белья.

Янтарные шарики лука
Висят в половинках колгот.
А рядом, по левую руку,
Герань на клеёнке цветёт.

В надколоте блюде — обмылки.
И сода — залог чистоты.
В советской молочной бутылке —
Искусственные цветы.

Пирог исходил ароматом,
«Вспотела» салфетки кайма.
Соседка молчит виновато,
Мой взгляд удивлённый поймав.

А в мойке с отбитой эмалью
Сочится из крана вода.
Глаза наполняя печалью:
«Так было при маме. Всегда...»

* * *

День повис на солнечных петлях,
Не желая спускаться вниз;
Отчего-то отчаянно медля,
Вечер тоже рядом повис...

Как всё странно срастается летом
На границе яви и сна!
Лучше было б тебе об этом —
О моих сомнениях — не знать.

Кто высокую цену платит
За ничтожность новых побед?
И вино пролилось на скатерть,
Оставляя бордовый след...

* * *

За холмом, уплывающим
В незадачливость дня,
Взглядом, душу ласкающим,
Ты окинул меня.

Под серебряной форточкой
Рухнул вниз небосвод:
Каждой жилкой и косточкой
Взгляд осмыслила тот.

Как рябина морозная,
Покраснела — до слёз:
Что-то очень серьёзное
В моей жизни стряслось.

* * *

Звала. Кричала. Это истина.
Но не могу и не хочу
Себе признаться даже мысленно,
Что до сих пор зову, кричу.

Откинув спутанные волосы,
Во сне, в бреде и наяву
Зову, кричу тебе без голоса...
Без голоса кричу, зову...

* * *

Лето кончилось ещё в июле.
Сразу. И, как видно, навсегда...
Ветры, растревожившись, как улы,
Вымещали гнев на проводах.

Боль ещё подержит и отпустит
(Ведь должна когда-то отпустить!).
В сочном, мягком, предосеннем хрусте
Вызвенит последнее «прости».

Если б только знали мы заранее,
Если бы предполагать могли!
По стеклу текли воспоминания,
По щекам твоим они текли...

* * *

Оглушая немотой своею,
Съпались осколки тишины...
Ни о чём я в прошлом не жалею,
Но с тобой расстаться мы должны.

И кольцом сжимается у горла
Неизбежность близкого конца...
Медленно с подушки стёрла
Отпечаток твоего лица.

* * *

Не говори мне о любви:
И думать-то о ней не хочется;
И за собою не зови —
Желанным стало одиночество...

Будь только рядом иногда,
Чтобы душа могла поспрашивать...
У нас не только города,
У нас с тобой и страны разные.

* * *

По справедливости воздать
Законы явно не сумели:
Ведь кто-то должен голодать,
Чтобы другие сытно ели.

Хоть внутренний аспект
возьми, хоть внешний,
Но с каждым днём
становится видней:

Чем женщина
уверенней, успешней,
Тем больше схожести
с мужчиной в ней.

* * *

Какая всё-таки жалость:
Всё предаётся забвению,
И счастье компактно сжалось
Лишь до размеров мгновения.

* * *

Укрывшись от людей за облаками,
От почитания и от похвал,
Бог мне всего давал двумя руками
И, главное, детей —
двойняшек! — дал.

* * *

Взгляда не хватает до горизонта
Окинуть события: сколько их было!
Мы были бойцами любовного фронта,
Теперь — ветераны семейного тыла.

* * *

Что делает эпоха наша трудная
С горячими и чистыми сердцами:
Идёт борьба незримая, подспудная
Между временщиками и творцами.

* * *

Била жизнь обо все углы
И, как тесная обувь, жала,
Но за праздничные столы
Всё равно иногда сажала.

На судьбу мне грешить нельзя —
Всё «срослось» и определилось,
Рядом были семья, друзья:
Не одна об углы я билась.

Не мудрён житейский закон:
Я менялась — и жизнь менялась.
Добрым людям — низкий поклон:
Как бы я без них состоялась!

Сергей Берестов

Родился 29 сентября 1963 года в Новосибирске. В 1963 году его семья переехала в Мыски. Окончил среднюю школу № 3, затем Новокузнецкое строительное училище. Работал на стройках города. С 1987 года по настоящее время работает на Томь-Усинской ГРЭС.

Стихи начал писать с 11 лет. Первую большую подборку стихотворений прислал в газету «Путь к победе» в 1983 году из Норильска, где проходил службу в армии.

Особый творческий всплеск произошёл в 1996 году, когда поэт начал писать тексты песен, исполнять свои произведения. Его песни ис-

полнялись на фестивале «Радость». Песня «Ностальгия по Руси» победила на международном фестивале авторской песни «Бабье лето — 99».

Печатался в литературных сборниках, журналах «Огни Кузбасса», «Литогранка», «Союз писателей». Имеет сборники «Я расскажу тебе о многом», «Стихобразия».

Сергей Берестов — лауреат международных и всероссийских литературных фестивалей и конкурсов. Успехи на литературном поприще продолжают его дети Глеб и Мария Берестова. Поэт живёт и работает в Мысках.

* * *

Где колос поднялся под солнцем на пашнях,
Где хлеб зарождался, качаясь в ветрах,
Сошлись в этом поле в бою рукопашном
Мужик земледелец и бешеный враг.

Кого защитила родная земляца,
Тому о Победе поведала рожь.
Штыки увеличили ненависть в лицах.
В сердцах говорилось: «Святое не трожь».

Народ оказался под чёрным прицелом,
И многим пришлось навсегда уходить,

Чтоб вместе дойти до единственной цели,
Себя не жалея, врага победить.

За Родину биться отцы научили,
И правнукам нашим поможем понять,
Что нет на земле и не будет той силы
Победу и честь у России отнять.

ПРИРОДОВЕДЕНИЕ

У меня с утра вопрос
К северной природе.
В тундре мальчик-эскимос
При любой погоде
Ест, уроки учит, спит,
Ездит на упряжке.
Для него гренландский кит
С малых лет не страшен.
Он при минус пятьдесят
Съел бы три пломбира,
Пять холодных лососят
И стакан кефира...
Смог бы он тогда с утра,
Сев за парту школьную,
Про пустыню, где жара,
Написать контрольную?

НА БЕРЕГУ

Меня вчера спросили:
 «Ответь, скажи, Алина,
 Что для тебя в России
 Важнее и любимей?»
 На первом самом месте
 Наш берег над рекой,
 Куда мы летом вместе
 Приходим всей семьёй.
 Внизу у самой кромки
 Сидит братишка мой.
 Смеётся звонко Ромка,
 Любуется водой.
 Целует папа маму,
 С улыбкой говорит:
 «Ну вот смотри, родная,
 Как наш костёр горит!»
 Уходит дым колечком
 Наверх от ветерка.
 Немножко пахнут речкой
 Четыре шашлыка.
 Братишка выгнул спинку
 От тёплых брызг речных.
 Я, сидя над травинкой,
 Читаю этот стих.

Прекрасно, что на свете
 Есть город мой, и я,
 И берега вот эти,
 И вся моя семья!

МОЯ РОДИНА

Моя Родина — это солнышко,
 Обогревшее всю планету.
 Моя Родина — это зёрнышко,
 Прорастающее к небу, свету.
 Моя Родина — бело облако,
 Да берёзы, да ветер вольный,
 Да и старенький русский колокол,
 Поле обнявший с колокольни.
 Моя Родина — пять избёнок,
 Из-за леса вдруг показавшихся,
 Две коровы да поросёнок,
 В придорожной грязи извалявшийся.
 Моя Родина — женщина юная,
 С карапузом за ручку идущая.
 Моя Родина — музыка струнная,
 До высоких небес зовущая.
 И последней ступенькой ровнёшкой
 Подытожу я светлый мир мой.
 Моя Родина — это родинка
 На плече у моей любимой.

* * *

Видели, как небо улыбается?
 Видели, когда ложится спать?
 Ночью одеяльной укрывается,
 Чтоб розовощёким утром встать.

Слышали, как ветер обижается?
 Как в берёзке стройной он грустит?
 Как зимою к шубам прижимается,
 По сугробам воеет и свистит?

Трогали вы реченьку, влюблённую
 В мощный и далёкий океан?
 Ту, что моет ивушку зелёную,
 Про которую поёт в тени баян.

Помните о той, с полями, роццами
 И с утёсом, где верхушка не видна,
 О единственной
 и жизнями пророщенной
 О Земле, которая одна?

Ветер, небо, ивушка и речка
 И любовь, которая нетленна, —
 Это маленькое хрупкое колечко
 На одном из пальчиков Вселенной.

МОНОЛОГ ШКОЛЬНОГО РАНЦА

Я вместитель разных знаний,
 Ручек, книжек, дневников.
 И внутри всё время занят,
 И толстеть мне так легко
 От «Истории России»,
 «Математики», конфет,
 От «Риторики» красивой,
 От рулета на обед.
 Я несу в себе Толстого,
 Пифагора, Колизей,
 Иксов, игреков немного
 И сюрпризы от друзей...
 Иногда бываю тощий,
 Меня летом как бы нет...
 Я ведь скромный переносчик
 Трений, синусов, планет.

МОНОЛОГ ОДИНОКОЙ РУКАВИЧКИ

Я рукавичка одинокая.
 Я потерялась...
 Хозяйка близко ли, далёко?
 Что мне осталось?..
 Я грела маленькую руку,
 Была нужна я...

Среди шагов по переулку
 Лежу чужая...
 Была на спице я когда-то.
 Меня вязали...
 Снежок сереет грязной ватой.
 Где я? Не знаю.
 Я каждый пальчик детский грела,
 Вся... каждой ниткой...
 И помню, девочка мне пела,
 Ах... про улыбку...
 Во мне не раз лежали крошки,
 И сверху... птички...
 Бегут как будто чьи-то ножки!
 За рукавичкой?

ВЕСНА

Глаза глубокие, небесно-синие,
 А улыбается как чародейка.
 С ней лёгкий ветер шутя вальсирует.
 Она и в солнышке, и в почке клейкой.

Она так пахнет снегами тальми
 И будит томностью сердца вокруг.
 Кто были бледными или усталыми,
 Преображаются румянцем вдруг.

С утра поётся и очень хочется
 Улыбкой встретиться под комплимент.
 Лучом-точильщиком сосулька точится.
 Капель заиграет в один куплет.

Какие кризисы? И где депрессия?
 С Весною об руку румяный фронт.
 И улыбаются, и так им весело!
 Целует барышню мальчишка Март!

МОНОЛОГ РУЧЬЯ

У меня есть ручьиные спицы.
 Я вяжу пузырьковые платя.
 В двухладошковой струйной водиче
 Поцелуи сестрёнок и братьев.

Поцелуями пьют меня люди.
 Освежаю водой их усталость...
 Нет во мне человеческих будней.
 Есть во мне вездесущая шалость!

Я играю с былинкой полынной!
 Солнце в полдень купаю блестяще!
 Я живой, говорливый, былинный!
 Переливный, прохладный, журчащий!

Люсь, ручюсь, я живой и проворный!
 Даже ночью несу лунный свет...
 А сегодня размер стихотворный
 Двухладошково выпил поэт.

* * *

Когда звенят станки токарные,
 Тогда металл своё поёт.
 И стружки кружатся спиральные
 Там, где резец канавку «шьёт».

Когда звенит рассвет в подойники
 Струёй ритмичной молока,
 Тогда в руках доярки Оленьки
 Звучат уснувшие века.

Когда под крышей сено хрустнуло,
 А дождь мне капли напевал,
 Стропила грели меня русские,
 Баюкал тёплый сеновал.

Когда пшена просыпал курочкам
 (В субботу мне не токарить),
 То босоножил светлым утречком
 К реке своё желанье — ЖИТЬ!

СЛОВО О ЛЕТЕ

Слова перелетали с одуванчика
 К глазам моим со скоростью стрижей,
 Неслись по нервам
 к человеческому пальчику,
 В одежды облачаясь падежей.

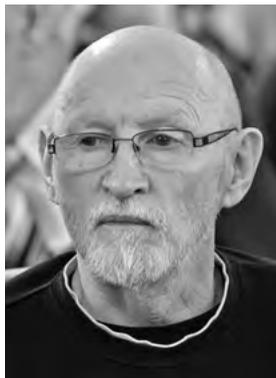
Переливались ласково слова
 И лепетали лепесточками о лете,
 В нём лира иволги над листьями плыла
 И поливали лук из лейки дети,

Резвились рыбы в речки перекатах,
 По рошам разбредались грибники,
 Над рожью резво ржали жеребята,
 И караси в пруду водили поплавки.

Слова стремились к синеве небесной,
 Купались в облаке, слетали снова вниз.
 Была суббота. А с зарёй воскресной
 Слова ко мне уселись на карниз.

И я прочёл про пчёл, и про грибы,
 И про черёмуху, про чудо-соловья,
 Но раскричались рядом воробьи
 И шумно исчирикали слова...

Александр Ибрагимов

28.04.1947 – 18.07.2020

Родился в Прокопьевске. С 1950 года проживал в Кемерове. Окончил школу № 41, затем филфак КемГУ. Член Союза писателей России с 1998 года. Автор книг: «Буквы одуванчика», «Пусть будет каждому любовь», «Тело судьбы», «Моя трава зеленоглазая», «Крест русского четверостишья», «Это лето всех лет», «Белый квадрат. Поэт о поэте», «Стихи. Избранное», «Космоязычие. Стихи в двух томах».

Александр Ибрагимов руководил творческой мастерской «АЗ», которая с 1993 по

Читаем кузбасских поэтов 37

январь 2013 года растила профессиональные литературные кадры Кузбасса. Организатор и литературный редактор областного журнала поэзии «После 12», издающегося в Кемерове с 1995 года.

Награждён медалью «За особый вклад в развитие Кузбасса» III степени. Лауреат премии имени А. Н. Волошина.

* * *

Дворцы-развалины огромных тополей
Желтеют ветками в развалах ясных дней.

Извилины, изгибы, бронь коры
Как трещины великой царь-горы!

Посмотришь вверх — захватывает дух,
И листик золотой у ног пожух...

Их под ногами царственная рать.
Не перечить листвы и не собрать.

Вся мощь ветвей сопряжена в одну —
Где тополь-царь содержит тишину.

ТРЁХЛЕТНИЕ СЫНА

«Я выше земляники...» —
идёт-поёт сынок,

И солнечные блики
Кольшет голосок.

Из выдоха и вдоха —
легки его шаги.

В кустах чертополоха
Скрываются враги.

Среди лесных дорожек
он встрече-сече рад,

Ведь Покати-Горошек —
Его срединный брат!

По тропочке былинной,
как ныне и как встарь,

Идёт с повадкой львиной
Весёлый государь.

Идёт сынок трёхлетний,
поёт — не устаёт.

Над ним денёчек летний
Подсолнухом цветёт.

Он сквозь крапиву видит,
он чувствует сквозь века.

И кто при нём обидит
Скрипучего жука?

Тропинкой вдоль обрыва
взбирается сынок,
Сжимая справедливый
Осоковый клинок.

Жуёт краюшку хлеба
и долго смотрит ввысь,
Как ласточка по небу,
Его взлетает мысль!

И вот он улыбнулся,
как ныне и как встарь, —
На Родину вернулся
Смородиновый царь.

Грибной сверкает дождик...
Счастливого пути!

Июльский подорожник
Поможет дом найти.

И голос невеликий
звенит из борозды:

«Я выше земляники
И утренней звезды!»

ВОСПОМИНАНИЕ

И снова сентябрь...
 И кажется, что всё это было...
 В пустынном неводе осени горят журавли.
 И смех отчётливый...
 И глина осыпается с обрыва,
 И в закружившуюся речку лошади забрели.

И тишина над чёрным предчувствием пашни,
 И дымы от костров тянутся вверх —
 Высоко! И не слышно себя... Даже страшно.
 И в обрыве порхает осенней бабочкой смех.

И лошади заходят
 против течения неторопливо,
 Изломанно ноги переставляя в реке.
 И снова смех... И глина сползает с обрыва,
 И ворон с дерева нырнул невдалеке.

И кажется, этот сентябрь — только отблеск
 Сентября, где каждый
 ещё до рожденья бывал...
 И мальчик заблудившийся, услышав оклик,
 Долго смотрит в небо, не понимая:
 кто же позвал?

ОСЕННИЕ СВАДЬБЫ

Золотые-золотые чертоги осени —
 Открыты, как свадебные залы, для нас.
 Дорожки забросаны белыми розами,
 И роща похожа на иконостас.

Ещё святые мерцают меж листьями,
 Каждый из них пресолнечно свят.
 Золотые берёзы золотыми лисами
 На задних лапах тихо стоят.

И такая благодать воздушная,
 Ни один не шевельнётся листок.
 И всякая душа, небесам послушная,
 Засмотрелась на единый восток.

А с востока ни одного выдоха,
 И на западе иконная стоит тишина.
 Нет у души никакого выхода:
 Златоочарованная она.

И только белые-белые лимузины,
 Словно трамвай, заезжают в золотой дым.
 И женихи выносят из машин корзины
 И бросают розы в ноги святым.

* * *

Такая чистота над городом моим,
 То чистая лазурь, то просто розовеет.
 И мы сейчас с тобою полетим,
 Пока в долине Джомолунгмой веет.

Такая ясность... над моей Землёй.
 Луна взошла в голубизне старинной.
 Мерцают деревушки подо мной,
 Переливаясь драгоценной глиной.

Чем выше вверх, тем жальче тех внизу —
 Гудящих врассыпную на Рублёвке.
 Ты, как алмаз, грани свою слезу,
 Чтоб подарить её простой полёвке.

Ведь всё живое как одна родня
 В зеленоватой заводи Вселенной.
 Нет ничего дороже для меня,
 Чем жизнь живая в простоте семейной.

Так яблоки похожи на закат,
 И сбоку их, как груди женщин, брали.
 Внизу Катунь и плещется Аскаат,
 Алтайские сказанья засверкали.

И мы летим... Податливы как воск.
 Чем выше вверх — тем небо зеленее.
 И лица наши — в паутине звёзд,
 Чем ближе к ним, тем путь до них длиннее.

* * *

Золотая груда тополей
 Между довоенных трёхэтажек.
 Ничего, дружочек, не жалей:
 Ни монет, ни травяных бумажек.

Вырастет зелёная трава,
 Заблестят монеты на берёзе.
 Опадут с нагих ветвей слова,
 И пожухнут деньги на морозе.

Сам собой идёт-бредёт народ,
 То ли к Богу, то ли так, как может.
 Этого никто не разберёт,
 Только клён свою листву итожит.

Ничего, дружочек, не жалей,
 Даже жизни — ради жизни брэнной.
 Золотая груда тополей
 Меж архитектуры довоенной.

* * *

Рыже-горящая осень —
Золотое нутро.
Если монетку подбросил,
Жди — упадёт на ребро.

Жди-ожидай, китаец,
Сдуру попавший в Тибет.
Если монету кидаешь —
Выпадет русский ответ!

Жди-дожидайся ответа
И за рукой наблюдай.
Ибо за скоростью света
Приоткрывается рай.

Ибо лесная просинь
Всё обратит в добро.
Эту рыжую осень
Кто-то поставил в ведро.

Плавает рядом рыба,
Так что зажмурься, дружок.
Или ослепнешь, либо
Двинешься на восток.

Ну а монетку подбросил,
Жди — упадёт на ребро.
Рыжая ржавая осень —
Солнечное нутро.

КУПАНИЕ В СЕНТЯБРЕ

И восьмого сентября
Окунуться в дрожь!
Чтоб сиял вокруг тебя,
Извивался дождь!

Чтоб, как дети, по реке
Мы бежать могли.
Чтобы капли по руке,
Как жуки, ползли.

Чтобы синим жук мерцал
И зелёным — был.
Чтобы я с холма взлетал
И по небу плыл!

Чтоб внизу текла река,
Полная огня...
Чтоб учились облака
Пеленать меня.

* * *

Галки молчат на рыжих полях
Или кричат, в стаи сбиваясь.
Зыбкий и млечный над ними шлях,
Галки ныряют в него, наслаждаясь!

И возникают из ничего,
Крыльями хлопают в кронах горящих.
Ноет у птиц к перелёту плечо,
Ноет и тянет крикуний летящих.

Стая, как сеть, опустилась в поля —
В сумраки поля узорною сетью.
Дышит под ними и страждет земля.
Галочий ор торжествует над смертью.

Галочий вопль, как надрывный собор,
В небо взлетает, себе отзываясь.
Море гремящее или мор
В рыжие травы нахлынет, плескаясь.

Галочий парус померкнет... и вдруг
Он заворачивает обратно.
И не сдержать рыдающих рук —
Ищут! — по шляху ушедшего брата...

ОСЕНЬ В ЖУРАВЛЯХ

Вновь старуха латает мешки,
А старик запасает уголь.
Вот и меньше стало мошки —
Это лето идёт на убыль.

Над рекою вспыхнул откос
И насквозь продул лопатки!
И пустынный ветер унёс
С островов мотыльки-палатки...

С деревянной ногой пастух
Созерцает стадо на пляже,
Отгоняя осенних мух,
Жжёт костёр возле ржавой баржи...

Залатала старуха мешки —
Будем завтра копать картошку.
Золотую иглу тоски
Отработаю понемножку...

Александр Катков

Родился 27 июня 1950 года на казачьем хуторе Зайцево Ставропольского края. Учился в Пятигорском институте иностранных языков. Продолжил учёбу в университете им. К. Маркса в г. Лейпциге (Германия). Защитил дипломную работу на факультете германистики (немецкая литература с начала Средних веков по современный период) на тему: «Современная немецкая эпиграмматическая лирика». Служил в ракетных войсках в Прибалтике. Работал переводчиком, преподавал немецкий язык в вузах Кемерова.

С 1983 года занимается профессиональной литературной деятельностью. Член Союза писа-

Читаем кузбасских поэтов 49

телей России с 1992 года. Имеет публикации во многих литературных журналах, принимал участие в издании 10 поэтических сборников. Автор книг: «Синие ставни», «Ветер славянства», «Чаша», «Путь на Итаку», «Жить и дать умереть», «Сирень». Живёт в Кемерове.

* * *

Это родина — синие ставни,
Это родина — ивы в наклон,
Над которыми сирыми стаями
Птицы тянутся в небосклон.

Было вдоволь и песен, и хлеба,
Жизнь взахлёб и беда по плечу.
Но под этим единственным небом
Я от родины мало хочу.

Я хочу, чтоб земля не скудела,
От которой и песня, и хлеб,
Чтобы, делая нужное дело,
Не оглох я и не ослеп.

Я хочу, чтоб река не мелела,
Чтоб пьянил и дурманил чабрец,
Чтобы мама моя не болела
И чтоб сильным остался отец.

* * *

Прямо в сад выбегали ступени,
 Было их ровно пять у крыльца.
 И под запах дождя и сирени
 Я разбужен был песнью скворца.

В ожиданье восторга и счастья,
 Доверяя скворцу, наугад
 Окна — настезь и сердце — настезь,
 Пять шагов, пять ступенек — и в сад!

А в саду в деревьях ликованье!
 Горлопан, менестрель этот спец,
 В полуобморочном состоянье
 Заходился от счастья скворец!

И прохладу июньского сада
 Ощущая кожей всей,
 Я бежал до дальней ограды,
 С головы и до пяток в росе.

И представьте, мне было так трудно,
 Что бессмертья и вечности нет.
 Просто было июньское утро
 И мне было одиннадцать лет.

* * *

Всю ночь весна буянила
 и с крыш текло.
 И до утра таранила
 капель стекло.
 Пусть жизнь кружилась замаятью,
 и всё же жаль,
 что сдал упавший замертво
 в сугроб февраль.
 Ах, дом мой, моя улочка,
 пришёл ваш срок.
 Но вышел в город утречком,
 а под ногой — ледок.
 Вот так и боль, как улица,
 как этот лёд,
 то навсегда забудется,
 то сердце рвёт,
 то к вечеру хохочется
 от разных вин,
 то ночью жить не хочется
 среди руин.
 Но март не может иначе —
 и с крыш течёт,
 и каждая слезиночка
 наперечёт.

ПАМЯТИ МАМЫ

Единственный на всей планете,
Я ехал маму хоронить,
И в призрачном прозрачном свете
Дрожала тоненькая нить.

Под толщей чёрной снеговою
В продутом тамбуре насквозь
Хотел застать её живую,
Испить родник прощальных слёз.

Сибирью, а потом Уралом
Мчал поезд, рельсами звеня,
Туда, где мама умирала,
Напрасно ждущая меня.

Она застыла, успокоясь...
Ты, Боже, всё поведал ей:
Про опоздавший этот поезд,
О горькой памяти моей.

Здесь, не смирившийся с утратой,
Харон готовит свой извоз
Туда, где я лицо упрятал
В подушку, мокрую от слёз.

НОЧЬЮ НА РОДИНЕ

В окнах свет серебристо-серый —
Телевизоры включены.
Смотрит хутор вторую серию,
Все гармонии обречены.

Выйду в сад. Свет луны неистов,
Он багряный и золотой.
В освещённых упругих листьях
Ветер плещется молодой.

Это ж надо — так много света!
Проливается он и дрожит,
Хоть читай деревьям газету
Или письма любимой пиши.

И во дворике тени чёткие
От колодца и от бадьи.
Цепь, свисая с бадьи, как чётки,
Оттеняет колечки свои.

Вот какое на свете место,
Что другие где-то края?!
Не проездом я, не проездом.
Это родина здесь моя.

* * *

Где это время? Никто не ответит,
 Всё проросло чабрецом и бельём.
 Но просыпаюсь опять семилетним:
 В комнате глаженным пахнет бельём.

Я задыхаюсь от слёз: неужели
 Снова июнь, моё детство и дом,
 Запах белья, и хрустальные трели
 Птаха развесила за окном?

Нет ничего, кроме этого пенья
 И подоконника в каплях росы.
 Как далеко ещё до ослепленья
 От незаслуженной взрослой слезы!

Не доведи до чернейшего сраму,
 Жизнь моя, если в начале твоём
 Так ещё чисто, песенно, рано,
 Если поглаженным пахнет бельём.

Было и будет бессонниц немало —
 Пусть в изголовье незримо стоят
 Юный отец, в гимнастёрке линиялой,
 И кареглазая мама моя.

* * *

*Берусь поутру
 звать Русь к топору!*

А. Вознесенский

Это я снова там, где роса у крыльца,
 Где шершавую пяткой ступенек коснулся.
 Ах, как жарок июль, эта жизнь без конца,
 Я ещё до сих пор на земле не проснулся.

День такой впереди! Сенокос и река.
 И озябшие губы от кринки с протоки.
 Даль моя с косога так высока,
 Жаворонок мой в небе тоже высокий!

И под вечер в деревню пойдут мужики
 Да в рубахах своих с просыхающей солью.
 Как под небом у них свои души легки
 На покосе июльском,
 духмяном, привольном!

А потом по дворам до вечерней поры,
 Как и в прошлую пятницу, снова и снова
 Тюк да тюк над полешками топоры —
 Это значит, что снова баньки готовы.

Ничего, это нам уже стало с руки
 Привыкать, чтобы снова
 среди мора и глада
 Наши русичи, ратники, мужики,
 Нашу родину справно наладят.

* * *

Русь моя колокольная,
 Изначальная, величальная,
 До безумия, до отчаянья,
 До восторгов и до прощания,

До прозрения, до призрения
 Душ сиротских, заблудших твоих,
 На коленях стоящих, смиренных,
 Ты прости стихию и стих.

Мы пригожие, мы приладные
 До погоста, до слёз, до кровей.
 И церквушка светит, как ладанка,
 На моей груди и твоей.

Анатолий Козлов

04.10.1916 – 12.03.2003

Родился в Петрограде. После окончания школы мечтал стать художником, обучался в Омском художественном училище. Службу проходил на Дальнем Востоке в авиации. Участвовал в войне с Японией, освобождении Северной Кореи. После демобилизации в 1946 году приехал в Кемерово. Работал в областном УВД.

Первые стихи опубликовал в армейской газете в 1943 году, затем публиковался в газетах Кузбасса. Член Союза писателей России с 1993 года. Автор книг: «Тонкорунные снега»,

«Золотая грусть», «Скажи мне «да», «Заря любви».

* * *

Скалистый берег грозен и велик.
Он острым мысом рассекает струи.
И кажется мне издали: старик
Полощет в речке бороду седую.
Спустился стриж на каменный карниз
И на меня глядит не без участия.
Прошу его: «Жар-птицей обернись
И подари мне пёрышко на счастье!»
А он в ответ взмывает в небеса
И чертит, режет небо надо мною.
Искрит, искрит песчаная коса,
С серебряной ласкается волною.
Прости, стрижок, я пошутил, родной,
Не надо мне завидной лёгкой доли.
Вот здесь мой мир. Он весь передо мной
И на моей земле, как на ладони.

АПРЕЛЬСКИЕ ТЕНИ

Филигранны апрельские тени
И резки в перелеске любом.
Вот берёзок ветвистых плетенье
Словно тюль на снегу голубом.

А густые лохматые сосны
Синий отсвет бросают на снег.
И дорога задумчиво-просто
Вдаль от них начинается разбег.
След на утреннем насте атласном
Волк оставил... и лось-богатырь.
И качается яблоком красным
На берёзовой ветке снегирь.

СВОЯ ПЕСНЯ

Колыхнулась волной трава —
И для песни нашлись слова.
На пригорке стою в тиши,
Слышу песню своей души.
Невозможно ей утерпеть,
Чтобы вместе с тайгой не петь.
Вот протяжно, как клавесин,
Запевают листва осин.
Словно трубы, гудит пихтач,
Бубенцами звенит кедрач.
Звуки бархатные принёс
Ветерок с молодых берёз.
Как и люди, поют леса,
Только разные голоса.
И ещё там заметил я,
Что у каждого песнь своя.

НА ВИСЛЕ

Ёлка в инее, в гроздьях огней
Среди праздничного хоровода.
Здесь, на площади, вспомнилась мне
Встреча давнего Нового года.

...Падал крупными хлопьями снег.
За окопом, у бруствера, рядом
Озарялась светом ракет
Ель, израненная снарядом.

Но теплело в солдатской груди
От совсем не воинственной мысли:
Отчий дом и любовь впереди...
Так встречал сорок пятый на Висле.

У КОСТРА

Неслышно из распадков ночь ползёт
И нависает пологом над нами,
С реки прохладу лёгкую несёт, —
Туман загустевает над волнами.

И вот костёр взметнулся под сосной,
Защёлкал после слабости минутной,
Раздвинул подступивший мрак ночной,
Полянку сделав тёплой и уютной.

А звёзды, будто искры от костра,
Весёлый отсвет на землю бросая,
Кружиться будут низко до утра,
Не разгораясь и не угасая.

Вот чей-то голос. Он ещё далёк,
Но всё слышнее, звонче над рекою.
Он, как надежды яркий огонёк,
Зовёт меня увидиться с тобою.

ВПЕРЕДИ ВЕСНА!

Я красоты и нежности поклонник.
Чернеют ветки клёна на ветру.
А у меня в квартире подоконник,
Как клумба, расцветает поутру.

Бегонии, петунии полыхают,
Рассыпана фиалок бирюза.
Смотрю на них и чую — отдыхают
И сердце, и усталые глаза.

Пурга листву последнюю срывает —
Кому такая ржавая нужна?
А мне цветы всегда напоминают,
Что впереди — желанная весна.

* * *

Скрип полозьев спугнул тишину,
 Лось в тумане откликнулся где-то.
 Пихты рвутся пронзить вышину,
 Как готовые к пуску ракеты.

День студёный. Куда ни взгляни —
 В белом бисере кедров рубахи.
 Заломили фасонисто пни
 Тонкорунного снега папахи.

Ни урман, ни еловая падь
 В этот час не темны, не угрюмы.
 Вот бы вникнуть, понять, разгадать
 Мне деревьев тяжёлые думы!

Вот уж виден мне дым или пар
 Над сторожкой лесничего тесной.
 Встретит там старьёй друг самовар
 Всем знакомой приветливой песней.

ВЕСЕННИЙ ЭТЮД

Вверху, покачиваясь зыбко,
 Лучась янтарностью своей,
 Луна трепещет, как рыбка,
 В сетях берёзовых ветвей.

Даря вечернюю прохладу,
 Когда сердца огня полны,
 Ручей весеннюю руладу
 Играет на рожке луны.

ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР

Бледнеет сумрачный закат,
 И даль уже темна.
 Волны мне слышится накат —
 Не спит ещё волна.

Всё затихает вокруг меня,
 Лишь бодрствуют сверчки.
 И каплей солнечного дня
 Сверкают светлячки.

Уже пора гонять чай.
 Где спутник мой — костёр?
 И руки жаркие свои
 Он к небесам простёр.

«Живи и радуйся всему!» —
 Мне вечер говорит.
 Я рад душой, и потому
 Она за всё болит.

ГРИБНОЙ ЛЕС

Лес всё теплей и всё ясней,
И вот, гляжу, — полянка.
И белоликая на ней
Красуется белаянка.

И, лихо вскинув козырьки, —
Себе, мол, знаем цену! —
Явились грузди-пареньки,
Как плясуны на сцену.

Вот огоньки, не огоньки —
В траве желтеет что-то —
Опята лезут на пеньки.
Взглянуть окрест охота.

Густой и чуткой тишиной
Встречает бор сосновый.
Дохнул прохладною волной,
Какой-то жизнью новой

И подарил своё добро...
Румянцем налитые,
Ложатся рыжики в ведро,
Как слитки золотые.

Николай Колмогоров

17.02.1948 — 12.08.1998

Родился в Кемерове. После окончания восьмилетней школы (1963 г.) учился в Кемеровском музыкальном училище, служил в армии, был литсотрудником многотиражных газет, сплавлял лес по сибирским рекам, работал и жил на Чукотке, в Средней Азии, на Алтае. Стихи начал писать в школе, посещал семинары молодых поэтов (Кемеровское творческое объединение молодёжи). Окончил Высшие литературные курсы (1987 г.). Входил в состав редакции литературно-художественного альманаха

«Литературный Кузбасс». Член Союза писателей СССР с 1984 года. Автор книг: «На земле светло», «Дом», «Пора кучевых облаков», «Хлеб исканий».

* * *

Оттаял двор. Кусты зашелушились.
Над крышами бушуют облака.
Легко дышать. В округе появились
крикливые скворцы. В тени лежат снега.
Уходят ввысь воздушные потоки,
бумажный змей, прозрачный пар дорог.
И ребятня на первом солнцепёке
сумбурно выражает свой восторг!

Из-под большой трясущейся ладони
пытливо смотрит старый человек.
Он прожил жизнь,

он многое в ней понял
и крепко полюбил её навек.

Но думает порой, откуда родом
весь этот мир, куда его пути
с последним исчезающим сугробом,
с последней табачинкою в горсти?..

* * *

Чтобы тебя, мой друг, настроить на мажор
деревьев, птиц, сырого ветра, поля,
я покажу тебе весь наш заречный бор,
вздыхающий над пахотой раздолий.

Вот на дыбы вздымается река,
и ржанье лошадей с обрыва...
Всё правда. И почти сошли снега,
и надо жить, но жить неторопливо.

Уже в краю родимой стороны
блаженное настало время года.
Могучая струя голубизны
взломала горловину небосвода.

Вновь вспучился над берегами лёд,
такой прозрачный, что в его овале
свободно видно избы и народ,
столпившийся в заречной дали!..

Я в эту сутолоку издавна влюблён
За то, что я живу под этим небом.
И, друг, давай по родине пройдем
и попрощаемся с последним снегом!

* * *

Стоят берёзы. Воздух чист.
 Далёкий лыжник вглубь скользит,
 И неоглядный снег лежит.
 И тонким холодом сквозит.

Там деревушек сонный посвист,
 кнута над розвальнями охлест,
 и солнца бледный-бледный просвет,
 и бора ниточная прозелень...

Всем этим с детства дорожу.
 К подножью холма прихожу,
 и на вершину восхожу,
 и в душу родины гляжу.

* * *

Весна. Запах талой коры
 и рыжих деревьев качанье.
 Опять городские дворы
 отмыли свои очертанья.
 Опять заводскую трубу
 за облаком чистят от сажи.
 И в полдень исчезнут в бору
 лыжни и тропинки однажды.

Весною, весною живой —
 На воздух, на воздух скорее!
 Большие фрамуги раскрой
 и двери балкона смелее.
 Там хлопает громко бельё
 и гроздь рубах пузырятся.
 Пусть оторопь душу берёт —
 свободы не надо пугаться.
 Ведь в гулкой долине двора,
 на улицах — толпы народа
 шумят и пьянеют с утра
 от синей реки кислорода.

* * *

Средина лета!.. Ливень камыша
 заголубел в медлительных озёрах.
 Как чья-то непонятная душа,
 витают испарения в просторах.
 И солонцы расплещутой степи
 солёными кристаллами таятся.
 Вдали от солнцепёка и тропы
 чуть видно паутины серебрятся.
 А в комнатах — прохлада погребов,
 день движется спокойно и негромко.
 А в бесконечных нивах — жар хлебов,
 Согнулся тяжестью почти до горизонта.

* * *

Чуть видимые, вкраплены в поля
кустарники с промёрзшими ветвями.
И тополей прозрачных толчея
зимует в синеве над берегами.

Есть в воздухе морозных этих дней
любимое явление покоя.
Предчувствуя весну, грущу о ней
и думаю средь зимнего застоя

о том, что через несколько недель
наступят дни, когда уходят льдины,
когда таёжный нежный свистель
комком огня срывается с рябины.

И в нашем обновлённом городке
вдруг высыплет толпа весёлым шумом
на лестницу, ведущую к реке
и к островам, пока ещё угрюмым...

В воротах января стоит зима.
Товарищи разъехались, расстались...
Под снегом спит зелёная трава.
По ней мои глаза изголодались.

* * *

Время осени... Первые утки
Потянули пугливый косяк!
Дом за городом. Это не тут ли
жил и умер Борис Пастернак?
Ещё помнят окрестные тени
бальзамины в тяжёлой росе,
замирающий смех в отдаленье
и прогулки его за шоссе.
Ещё помнят живого поэта
изумрудные свечи дождей!
В перепалках вчерашнего лета
ещё слышатся крики стрижей.
Где же он, предводитель дубравы,
колыбельного бора вожак?
Увядают могучие травы,
скрип сосны словно поданный знак.
Шорох птицы, души изумленье —
Это он! Но не слышно шагов.
Он в лукошке несёт, как виденье,
разноцветные саженцы слов.
И наощупь, теперь уж наощупь,
озирает рукой пустыри,
где восходит, раздвинувший рошу,
ослепительный лемех зари!..

* * *

Отчётливо, как никогда доньше,
 Увижу вновь январскую тайгу,
 Сибирь мою, и снегирей в полыни,
 и лёд ручья, мерцающий в логу,
 домишки, спящие
 о трёх больших дорогах,
 невесть куда пробитых внутрь зимы,
 ребят под пологом
 пространства белолобых
 и их родителей в горячей дрёме тьмы...
 Как спят они, как разбросали руки!
 Им снится лес, грибные вечера...
 Но стужей окна скованы. И звуки
 ночные не доходят со двора.
 Прогнулись кровли. Из-под толщи снега
 черты села отчётливо видны.
 Колодцами созвездий меркнет небо,
 вытягивая длинные дымы...

* * *

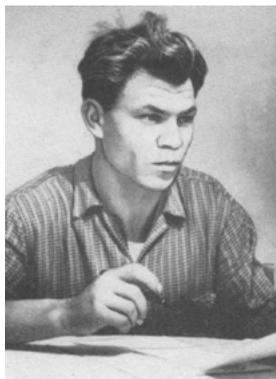
Я видел: отлетает первый лист
 От жёлтой кроны, сумраком тяжёлой.
 И потянулись стаи мокрых птиц
 в тылы грозы, где шум прошёл весёлый.

Растрёпанные кудри облаков
 пронизаны живучими лучами.
 И запах просыхающих стогов
 уходит вверх, как тёплый дух печали.
 Невдалеке пасётся рыжий конь,
 позванивая боталом, а в чаще
 какого-то кустарника огонь
 мерцает ягодой всё чаще, чаще...
 Я имена родных шептал тайком
 в краю, где одиночеством томился.
 А в вышине последний летний гром
 слезами полудетскими умылся.

* * *

Редееет тень листвы.
 До дна ручей просвечен.
 Последний летний день
 незримо скоротечен
 над медленной водой, где удочкой рыбак
 не может к сентябрю
 притронуться никак.
 За косами ветвей прозрачен стук колёс.
 Как ноги табунов, бегут стволы берёз!
 По солнечным полям из детства я бегу
 и с радостью тепла расстаться не могу.

Николай Пискаев

14.11.1935—02.02.1979

Родился в Белове. Окончил семилетку, поступил в железнодорожное училище. Служил в армии. Работал инструктором РК ВЛКСМ, заведующим животноводческой фермой, на шахте, в турбинном цехе Беловской ТЭЦ, в редакции районной и городской газет. Имя Николая Пискаева как поэта стало известно в 1964 году. В 1970 году в свет вышла его первая книга «Мой край задумчивый и нежный». Несколько стихов Пискаева вошли в сборник кузбасских поэтов «Дыхание земли родимой», изданный

Читаем кузбасских поэтов 79

в 1979 году. Со второй книгой Николая Пискаева «Деревенское утро» читатель познакомился в 1980 году, через год после смерти поэта. Позже его произведения были опубликованы в сборниках «Хлеб военной поры» (1995 г.), «На родине моей выпали снега».

В ДЕРЕВНЕ

Ну вот я и дома. Сиж у окошка.
Смотрю, как котёнок следит за скворцом.
А мать суетится — готовит окрошку.
Запахло укропом в избе, огурцом.
В пыли на завалинке дремлет наседка.
От зноя обвисла листва тополей...
Ведёт охромевшую лошадь соседка
И ласково, слышно, беседует с ней.
На улице тихо до зорьки вечерней.
Пора сенокосная. Время не ждёт.
Спросите любого: что верно, то верно,
У нас работающий и дружный народ.
Деревня как вымерла вся, опустела.
И старьё, и малый — с утра на лугу...
И мне вот уже не сидится без дела,
Сейчас соберусь и пойду помогу.

* * *

Пойду сегодня к бригадиру,
 Быть может, даст он мне коня
 Проехать вдоль по Салаиру
 И посмотреть на зеленыя.

Заросший лог объеду краем,
 К знакомой рощице сверну,
 Где воронье горластым граем
 Тревожит утро тишину.

Подъеду к старому культстану,
 Коня к берёзе привяжу,
 А сам по цепкому бурьяну
 Без всякой цели поброжу.

Сорву лопух, сверну кулёчком,
 Из чистой лужицы напысь,
 И босиком по шатким кочкам
 К сорочьим гнёздам поберусь.

На пень берёзовый присяду
 И думать буду в тишине
 О том, что большей нет отрады,
 Чем жить в любимой стороне.

* * *

Мой первый стих немало вызвал мнений.
 Все в доме говорили обо мне,
 Поскольку ни в одном из поколений
 У нас поэтов не было в родне.

Стих шёл по кругу. Бабушка сначала,
 Отроду не читавшая газет,
 Моё творенье одолев, сказала:
 «Такой же рассудительный, как дед».

И слёзы навернулись у старушки...
 Потом, волнуясь, мать вершила суд,
 Заметив мне, что лучше бы частушки
 Я сочинял для девок — пусть поют!

Пришёл сосед, пропахший самогоном,
 И, как цыган, что продавал коня,
 За стопкой он авторитетным тоном
 До полночи расхваливал меня.

Не помню, кто за ним захлопнул двери,
 Но не забыл, как, сидя у окна,
 Я улыбался и наивно верил,
 Что сила мне великая дана...

* * *

Забота вечная о хлебе
 Мне, словно пахарю, дана.
 Вот появилась туча в небе.
 «А в срок ли, — думаю, — она?
 Не повредит ли сенокосу?»
 Природу мысленно корю.
 За папиросой папиросу,
 За тучей той следя, курю.
 И в пору жатвы замечаю,
 Что вновь боюсь дождливых дней,
 А в сушь весной переживаю
 Из-за того, что нет дождей.
 Рабочим званьем козыряю
 И хлебным полем дорожу.
 К какому классу, сам не знаю,
 Сегодня я принадлежу.

* * *

Утро как утро...
 Погасла звезда,
 И дымом запахло, блинами.
 Слышать: пастухи
 Окликают стада
 За крайними где-то домами.

Рокочет мотор,
 И другой засопел,
 И, с ритма не сбиться стараясь,
 Петух вдохновенно
 И бойко запел,
 Позднее других просыпаясь.

* * *

Какой рассвет...
 Тепло и тихо,
 Грозой не пахнут облака.
 Вся, как в снегу,
 В цвету гречиха,
 Вся как молочная река.

Как след промчавшейся метели,
 Туман клубится над рекой,
 Зовут кого-то коростели,
 Издалека зовут домой.

Видны приметы в неприметном,
 И, всё печальное глуша,
 Рассудок жаждет дум о светлом,
 И веры в светлое —
 Душа.

* * *

В войну мы почтальона ждали
 И от калиток, от ворот
 За ним, бывало, наблюдали,
 Как он по улице идёт.
 Тревожно замерев на месте,
 И старый знал, и молодой:
 Легко идёт — с хорошей вестью,
 Устало, медленно — с худой.
 Теперь не носят похоронок,
 Но в сердце, чувствую, кольнёт,
 Когда, встречая почтальона,
 Замечу —
 Медленно идёт.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

У нас их тьма перебивала.
 Минует год, глядишь — удрал.
 Иному знаний не хватало,
 Другой частенько выпивал...

А этот — он у нас донине
 И не берёт нас всех в кулак.
 Забыв о должности и чине,
 Придёт, расспросит, что и как...

На новостройке первый камень
 Положит сам и даст совет.
 С утра до самой ночи с нами.
 И так уже пятнадцать лет.

Не проживёт и дня в покое —
 Не может, видно по всему.
 Ну а ещё скажу такое:
 Он верит нам, а мы ему.

* * *

Не ходим в гости и гостей не ждём.
 И на соседей празднующих злимся.
 Мы как-то так с тобой живём,
 Как будто праздников боимся.

Сегодня вот — опять вдвоём,
 Как будто нет друзей в округе.
 Не говорим и не поём —
 Сидим, прислушиваясь к выюге.

От дум тревожных холодею
 Я каждый праздник за столом.
 Да всё сказать тебе не смею,
 Что как-то мы не так живём.

* * *

Умер дед... Старуха вышла замуж —
 Старика другого приняла.
 Про любовь какую думать там уж —
 Лишь бы в доме не одна была.

И живут. И всё как надо вроде.
 Дед хозяйству, дому — голова.
 Но её по-прежнему в народе
 Все зовут: «Абросима вдова».

С новым свыклась. И о чём забота?
 Работающий, ласковый старик...
 Но о нём нет-нет да скажет кто-то:
 «Вон покойной Клавдии мужик».

Да и сами, забываясь, что ли,
 Иногда друг друга назовут
 Именами тех... И вдруг до боли,
 Глубоко, по-старчески вздохнут...

* * *

На краю деревни дом,
 Крыша — черепица.
 Лишь однажды был я в нём —
 Заходил напиться.

Полдень жарким был тогда,
 Как из печки дуло.
 «Есть ли, — я спросил, — вода?»
 Женщина кивнула.

Разговор не завела,
 Сесть не пригласила.
 Молча ковш мне подала.
 Вот и всё, что было.

День тот, сгаснувший в былом,
 Часто вспоминаю,
 Тянет вновь зайти в тот дом.
 Почему? Не знаю.

ДЕРЕВЕНСКИЙ

Бывало, скажут: «Деревенский!»
 И сразу, волю дав слезам,
 Я сиротливо жался к стенке,
 Чего стыдись, не знаю сам.

И незаметным быть старался,
 Осознавал как будто грех,
 Что в самом деле отличался,
 Приехав в город, ото всех.

Давно забыл я те печали,
Но грустно оттого порой,
Что окликать в деревне стали
Меня при встрече: «Городской!».

К глазам нет-нет подступит круто
Обиды той же детский дым,
Что я в родном селе кому-то
Вдруг показался не своим.

* * *

Нет-нет да вспрынет дума в голове
О том, что день пойдёт на прибыль скоро.
В селе на смену свадебной молве
Придут об урожаях разговоры.
Одним сельчанам будто слышный гром
В закатный час или рассветный грянет.
И с каждым днём всё раньше агроном
С постели тёплой подниматься станет.
Хоть до весны, известно всем, неблизко,
Но всё сильнее предчувствие забот.
Хотя ещё проходит солнце низко,
Но люди чаще смотрят в огород.
С того щедра земля у нас, быть может,
Что до проталин первых — на виду
Ещё зима, я понимаю тоже,
А разговор вот о весне веду.

Александр Раевский

Родился 11 августа 1951 года в селе Алабуга Каргатского района Новосибирской области. После окончания средней школы служил в армии на территории бывшей ГДР. По окончании службы работал в родном селе директором Дома культуры. В 1974 году переехал в город Новокузнецк Кемеровской области. С детства мечтал стать художником, однако страсть к литературе победила. Заочно окончил факультет русского языка и литературы Новокузнецкого педагогического института. Двадцать лет прослужил в пожарной охране МВД, вышел в отставку в звании капитана. Награждён медалями за отличную службу.

Первые стихи были опубликованы в 1967 году в районной газете. С тех пор регулярно печатается в центральной, региональной, областной периодике. Автор семи поэтических сборников. Лауреат премии журнала «Наш современник». Член Союза писателей России с 1995 года.

* * *

Утро. Иней.
 Пёс на бричке,
 По глазам видать — продрог...
 Неприятен с непривычки
 Груз резиновых сапог.
 Выйдешь к полю — нету поля! —
 Тишина... — остервенеть.
 Из ружья бабахнуть, что ли,
 По шершавой той стерне?!
 Где ж вы, нынешние травы?
 Их не будет, плачь не плачь.
 Всё скучнее у канавы
 Пастухом забытый плащ;
 В трёх шагах
 Шиповник тлеет.
 Ну а прочие кусты
 Всё тускнеют и тускнеют...
 ...И ни звука с высоты.

* * *

В облаках синеокое лето,
 Всё играет, жужжит, шелестит...
 Много жизни, зелёного цвета,
 Под берёзой рубашка поэта —
 Он задумчиво в дали глядит.
 ...В этих далях, заманчиво-странных,
 Неизвестность, далёкие страны,
 И щемящий простор, и тревога,
 И моря, и огни городов;
 Как от милого сердцу порога,
 В небеса золотая дорога
 Пролегла от ближайших кустов.
 ...А повсюду — покосы, покосы,
 Средь околков валы, словно косы,
 Сплетены гребешками граблей;
 На востоке темнеет завеса —
 То не к месту опять из-за леса
 Тащит тучу Илья-водолей.
 ...День звенит, косари не устали,
 На полях журавлиные стаи,
 День горит, он ещё не поблёл...
 В облаках синеокое лето,
 А берёза уже без поэта,
 Он ушёл, но осталась примета —
 Побывавший в руках стебелёк.

ВОТ ПРИЕХАЛ

Вот приехал в январе.
Крыши. Тени синие.
Тихо. Белая сирень —
Не в цвету, а в инее.

Снег небес вокруг избы
Чистоты исполнен;
Что ж такое позабыл,
Что ж такое вспомнил?..

Проשמлюсь в калитку я,
Обращусь к сирени:
«Что молчишь, сестра моя,
Божие творение?»

Разгорается уже
Красота закатная...
Тихо, благостно в душе,
Что ж слеза вдруг капнула?

Разожгу среди зимы
Мёрзлые поленья;
Жаль, с тобой исчезнем мы,
Божии творения.

Вслед другие зацветут,
Иней их застудит...
Нас с тобой не будет тут.
Нас совсем не будет.

* * *

Звезда как брошь,
А дальняя лучше:
Невзрачна, но пульсирует — жива!..
Отяжелев от сумерек пахучих,
Мерцает росами трава.

Ступи в росу — цветку не разогнуться;
Откуда ты, погасший, и к кому?..
Не страшно к гамме ночи прикоснуться,
Но жутко в ней остаться одному.

Земля темна. Вверху ещё чернее,
Посредником расплющился туман.
Материя — и разум наш над нею...
А если всё обман?

Как трудно от земного оторваться.
Вот вдруг сейчас в бездонье упаду?..
...А был бы рад гореть и рассыпаться,
Разбившись о звезду.

ВЕЧЕР

В камыши садилось солнце,
Гладь по-разному цвела...
И пылал значок оконца
На окраине села.

А за той, за крайней хатой,
С воробьями на плетне,
Очень тихо и богато
Лес осиновый темнел.

А подальше, за болотом,
Розовел высокий свет —
То ли след от самолёта,
То ль души хорошей след?..

ДЕТСТВО

По канаве — лопухи, лопухи...
За канавою ковром — лебеда.
Растеряли своих кур петухи,
Ни квохтанья, ни пера, ни следа.
От жары сухой плетень — серебром.
Хмель с козявками на том серебре.
Как рубахи, облака за бугром,
И дырявый чугунок на бугре...

В холодке лохматый псина с утра
Дразнит улицу большим языком.
В сенцах мамка звякнет дужкой ведра —
Скоро летушку звенеть молоком.
И с какой-то погремущкой в руке,
Понимая этот пёстрый мирок,
Как на троне, ты сидишь на горшке,
Раз-два-летний деревенский царёк.

ВИДЕНИЕ

Равнина молчала. А сердце стучало...
Безмолвно и плавно — жалей не жалей —
Небесное войско к закату промчалось...
Один я остался на горькой земле.
Стою, очарован тоской несказанной,
Созвучной душе, недоступной уму,
Последний огонь провожу со слезами...
И холод межзвёздный, как данность, приму.
Но свято поверю, что войско вернётся.
И снова собравшись на битву со злом,
Возьмут и меня. И тогда мне найдётся
Копьё, и кольчуга, и конь под седлом.
Стремительно-плавно, клубя облаками,
Учмимся к закату, растаем во мгле, —
Затопит безмольвем, укроет веками...
А кто-то останется ждать на земле.

* * *

Мы на лавочку присядем, где забор,
 Мать при фартучке. Мария её имя.
 Её руки трудовые до сих пор
 Пахнут детскими рубашками моими.
 Созерцаем сельский мир перед собой,
 И в стаканчиках мороженое тает.
 Ты вот с палочкой хромаешь, я седой —
 Пролетает наше время, пролетает...
 Только память... В то далёкое гляжу:
 Вон на лавочке, сандалями болтая,
 До земли не доставая, я сажу,
 Рядом мамка — молодая, золотая!..

БЕЛОКУРЫЙ МАЛЬЧИК

Сидел он на траве в коротенькой рубашке,
 Кого-то в той траве ручонками ловил...
 Сердито добрый шмель гудел
 над белой кашкой...
 И пахло молочком от детской головы.
 Дыханье ветерка к полудню прекратилось.
 Сидел совсем один. А ласковая высь
 Над маковкой его пыльюю золотилась,
 И ангелы легко, как бабочки, вились...

РУССКИЙ СЕВЕР

Средь камней изумрудная травка,
 Глубже с метр — уже мерзлота.
 Вроде лето, а прут без антрактов
 Стаи туч... И тоска ещё та.
 Ещё та, говорю я, погодка!
 Гольный берег под светом скупым,
 Лишь у кромки тяжёлая лодка
 Спит тревожно, как пёс на цепи.
 Выше! К людям! К амбарам и избам,
 К тем продутым ветрами местам,
 Где отсутствуют всякие «измы»,
 Жизнь сурова и с виду проста.
 Там солёная рыба в подклетьях,
 В тихих комнатах строгий уют;
 Там на кольях развешены сети
 И поморы в бахилах идут.
 ... Тучи, тучи — сплошная морока,
 Воздух даже на ощупь свинцов;
 И в пальтишке стоит одиноко
 Кто-то грустный, как трезвый Рубцов.
 Эта близость студёного моря,
 Эти сивые туманов слои...
 Храм бревенчатый стойко на взгорье
 Держит ржавые шлемы свои.
 Он давно уже необитаем.

Лишь в окошке глухом в тёмный час
 Жёлтый отсвет дрожит... Словно тайно
 Кто-то молится. Может, за нас.

* * *

Где была дерёвня,
 Тихо всё и ровно,
 Лишь стоит ветла —
 Как торчком воткнутая,
 Серая и гнутая,
 Голая метла.
 Весь металл с погоста
 Растащили просто.
 Дик и одинокий,
 По краям просевший,
 Под крестом созревшим
 Млеет бугорок.
 Кто здесь лёг последним
 Под крестом осенним,
 Кто над ним скорбел?
 Что по жизни делал,
 Робким был иль смелым,
 Плакал или пел?..
 Комара притисну,
 Крикну или свистну —
 Глухотень в ответ.

Лебеда да сажа,
 В поднебесье даже
 Жаворонка нет.
 ...Опустишь устало
 На кирпичик старый,
 Белый, как я сам;
 Под ветлой уснувшей
 Дальнего, минувшего
 Слышу голоса...

1812 год

Среднерусские равнины —
 Вены рек. Холмы, поля.
 Тучи. Избы да овины.
 Шлем былинный в ковьялах.

Звякнет дальняя церквушка,
 Тонко тронет слух Христа,
 И — покой; лесной кукушки
 Сонный счёт... А где-то там
 Разноцветным ручейком
 Дать отпор Наполеону
 Шли походные колонны,
 Шли знамена и иконы
 Мимо пушкинских окон...

ПОДРУЖКА

Уже умолкли все кукушки.
Зелёный лес в июле алом
Дремал в строю... А на опушке
Берёза барыней стояла.

Она раскинулась широко
Густым шатром, знакомым с детства,
И вовсе ей не одиноко
Одной стоять и шелестеться...

Как хорошо в июле алом
По воле вволю набродиться,
Присесть к подружке и устало
К стволу спиною прислониться.

Под ней прохладно и тенисто
И ёжик с мордочкою лисьей.
От ветерка живые листья
Вспорхнут, как пальцы пианиста...

А вдалеке, в дрожащей дымке —
Село в антеннах музыкальных;
Приходят радужные думки
И вверх восходят пузырьками...

И облакам легко плывётся.
Плывут, плывут, как будто сами...
И молодое сердце рвётся
Соединиться с небесами.

ДЕРЕВО ВЕЧНОСТИ

Раздвинув столб
вселенского пространства,
Вознёсшись выше облаков,
Стоит оно — могуче и прекрасно! —
И ствол окован кольцами веков.
В ветвях его гнездятся только звёзды,
Хоть проросло из зёрнышка-Земли...
Молчит оно. Его молчаньем грозным
Пропитаны ветра и ковыли...
В тени его незримой млеют дали...
И — как напоминанье о Суде —
В корнях лежат замшелые скрижали
И Книга человеческих судеб.

Леонид Торгаев

05.10.1936 – 11.02.1993

Родился в Киселёвске. Почти десять лет проработал на шахте «Чертинская» г. Белово. Попал в тяжёлую аварию, в результате которой стал инвалидом. Работал музыкальным руководителем в Доме культуры «Горняк».

Стихи публиковались в городских и областных газетах, журналах «Смена», «Крокодил», «Советский шахтёр», «Огни Кузбасса», коллективных сборниках «Дыхание земли родимой» и «Хлеб военной поры». Книга стихов «Я свято верю в доброту» издана после смерти поэта

Читаем кузбасских поэтов 103

в 1996 году. В 1998 году на здании Дома культуры «Горняк» была установлена мемориальная доска с надписью: «Здесь работал беловский поэт Леонид Торгаев».

СЕРДЦЕ

Ругаю себя за ошибки,
Быть твёрдым, суровым клянусь,
Но снова к фальшивой улыбке
Доверчивым сердцем тянусь.
Ах, сердце! Оно так ранимо!
А я, как всегда, забывал,
Что даже перо анонима
Способно сразить наповал.
Порой от недоброго взгляда
Его защитить я не мог...
Железным тебе быть бы надо,
Трепещущих нервов комок!..
Ошибки опять повторяю,
Опять себя строго сужу.
И снова я что-то теряю
И что-то опять нахожу...
Пусть люди меня, может статья,
Добром или злом помянут,
А мне суждено ошибаться
До самых последних минут.

РАЗМЫШЛЕНИЯ В ЗООПАРКЕ

Устав от служебной запарки,
 От всяких забот и сует,
 Беру в городском зоопарке
 За сорок копеек билет.
 И с тайной душевною болью
 Вдоль клеток железных иду,
 Где меньшие братья в неволе
 Томятся у всех на виду.
 А солнце палит до печёнок —
 Вздываются тяжко бока...
 Сквозит в их глазах обречённых
 Почти человечья тоска.
 Едва ль назовёшь наслаждением
 В тех клетках постылых житьё...
 И смотрит на нас с осуждением
 Несчастное это зверьё.
 Зачем, мол, так люди решили —
 Сиди здесь, старей и тупей,
 Зачем же их люди лишили
 Родимых лесов и степей!
 За что же такая немилость! —
 На мордах печали печать...
 И птица здесь петь разучилась,
 И зверь разучился рычать...

СЕНОКОС

На ветру рубахам виться,
 Холодеть в росе ногам...
 Разгулялась косовица
 По зареченским лугам.
 И налево, и направо
 Раздаются голоса —
 По пахучим, сочным травам
 Ходит-буйствует коса.
 Ароматом густо веет,
 Эх, и травы нынче — мёд!
 Кто косою не владеет,
 Тот едва ль меня поймёт...
 Станет мокрою рубаха,
 Я усталостью нальюсь,
 В сено свежее с размаху
 Как подкошенный свалюсь.
 Я люблю косьбу ручную —
 Сквозь года любовь несую...
 Очень к технике ревную
 Я обычную косу.
 Стать и удаль
 в каждом взмахе...
 И по лугу, как жарки,
 Кумачовые рубахи
 Да цветастые платки.

ЛЕТНИЙ ДЕНЬ

Нет на солнышко управы —
 Мир в отчаянном цвету,
 И обласканные травы
 Набирают высоту.
 Где-то копит снег планета
 И наращивает льды,
 А у нас лютует лето
 И листвой кипят сады.
 Хорошо на травке спелой
 Безмятежно полежать,
 Неумело иль умело
 Птицам певчим подражать.
 Надо мной звенит, ликуя,
 Голубая благодать...
 Мне за волюшку такую
 Ничего не жаль отдать!

ВЕРЮ В ДОБРОТУ

Нас жизнь безжалостно и строго
 Испытывает на излом...
 И я с надеждой и тревогой
 Мечусь между добром и злом.
 То зло улыбкой вдруг поманит —
 И я легко прощаю зло.

То вдруг добро по-волчьи глянет —
 И вновь на сердце тяжело...
 Вот так живу, вот так и маюсь,
 Ведя тревожный счёт годам:
 То с подлецом я обнимаюсь,
 То другу руку не подам...
 Но сколько б ни было ошибок
 И сколько б их ни повторял —
 Среди любых житейских сшибок
 В людей я веры не терял.

СВИРИДОВНА

Уж девятый десяток живёт,
 Но крепка, словно девка на выданье...
 Как всегда, с петухами встаёт —
 Не сидится без дела Свиридовне.

Носит воду и колет дрова,
 Огородец содержит с охотою,
 Говорит: «Только тем и жива,
 Что хворать недосуг за работою».

Ну а в жизни-то всяко пришлось —
 Много горюшка-лиха повидано,
 Только в сердце не копится злость,
 Не черствеет душою Свиридовна.

Коли праздник какой подойдёт,
 Так с людьми разговееется стопочкой.
 Да и песню, глядишь, заведёт
 И по кругу пройдёт с притопочкой...

* * *

Мы топчем безжалостно травы,
 Бессмысленно губим цветы,
 Деревьям ломаем суставы,
 Святой не щадя красоты...

Ждут помощи птицы и звери,
 И рыба ждёт чистой воды,
 А мы, в наказание не веря,
 Всё ходим по краю беды.

Тут дело особого рода...
 Но, люди, вы стали не те!
 И тщетно взывает природа
 К заглохшей людской доброте...

Неужто и в самом-то деле
 В нас разума голос зачах?
 Иль просто душой оскудели
 В житейских своих мелочах?

СОДЕРЖАНИЕ

Приглашаем на поэтический марафон.....	3
Уроки Михаила Небогатова.....	6
Ирина Фролова (Барышникова).....	11
Сергей Берестов	25
Александр Ибрагимов	36
Александр Катков	48
Анатолий Козлов	57
Николай Колмогоров.....	67
Николай Пискаев	78
Александр Раевский.....	89
Леонид Торгаев.....	102

Литературно-художественное издание

ЧИТАЕМ КУЗБАССКИХ ПОЭТОВ

Сборник поэтического марафона

Часть 3

Составители

Семененко Ольга Аркадьевна,

Гордок Наталья Аркадьевна

Редактор

Карпова Галина Ивановна

Редактор *Е. В. Фефелова*

Корректор *Н. В. Стрелкина*

Компьютерная вёрстка и дизайн обложки

А. В. Таскаевой

6+

Подписано в печать 23.11.2020. Формат 60×84¹/₃₂.

Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Усл. печ. л. 2,9.

Тираж 300 экз. Заказ № 248

Адрес издательства и типографии ООО «АИ «Кузбассвуиздат»:

650993, Кемеровская область, г. Кемерово, ул. Кирова, 45.

Тел. 8 (3842) 36-36-00. E-mail: 58293469@mail.ru

ОТ УЧЕНИЧЕСТВА К ТВОРЧЕСТВУ

Я однажды набралась смелости и отправила подборку своих стихов в газету. С каким же нетерпением я ждала отклика. И вот, наконец, в одном из номеров — мои стихи. Начала читать с замиранием сердца. Что же он, мастер слова, скажет о моих «*виршах*»? И вот: «*Людмила Сомова порадовала нас способностью находить свои слова и образы*». Михаил Александрович — известный поэт Небогатов — уделил внимание и даже в некотором смысле похвалил! Счастью не было предела. Мои стихи увидели свет! Меня похвалили! Я, конечно, и раньше посылала стихи в нашу газету «*Борьба за уголь*», и их даже печатали. Но я как-то к этому серьезно не относилась. Подумаешь — поэта нашли! А здесь — областное издание и сам Небогатов, член Союза писателей СССР, как будто бы лично беседует со мной, даёт свои наставления. М. Небогатова считаю своим вторым учителем. Школьный учитель Анатолий Петрович Обоимов привил любовь к стихам, познакомил с основами стихосложения. А Михаил Александрович, можно сказать, наставил на путь истинный — научил, как нужно писать стихи.

Людмила Седельцева (Сомова),
ФМЛ. г. Анжеро-Судженск